

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИРОКОГОРОВ

КАК ЭТНОГРАФ

Значительный вклад в этнографическое изучение народов Дальнего Востока внесли отечественные ученые. В ряду исследователей тунгусоязычных народов (эвенков, эвенов, ороков, негидальцев и др.) особое место принадлежит Сергею Михайловичу Широкогорову. Однако деятельность этого выдающегося ученого почти не освещалась в этнографической литературе¹. Между тем его капитальные труды «Этнос», «Психоментальный комплекс тунгусов», «Социальная организация северных тунгусов», «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов» приобрели широкую известность среди наших и зарубежных этнографов. Но в советские годы не было принято ссылаться на эти труды, ибо это могло грозить репрессиями и другими неприятностями. Ведь волею судьбы около двадцати лет С.М. Широкогоров жил и работал в эмиграции, в Маньчжурии и Центральном Китае.

К сожалению, мы мало знаем о его жизни за рубежом, и до сих пор не удается найти хотя бы фотопортрет ученого. По крупницам, скудным фактам удалось восстановить некоторые детали биографии С.М. Широкогорова².

Сергей Михайлович родился в 1889 г. в городе Суздале в зажиточной дворянской семье. По окончании суздальской гимназии он получил возможность в 1906—1910 гг. жить в Париже и учиться в таких престижных учебных заведениях того времени, как Парижский университет и Антропологический институт. Получив блестящее образование, он вернулся в Россию и начал свою научно-педагогическую работу в Санкт-Петербургском университете и одновременно в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера).

Но страсть к путешествиям пересилила спокойные академические занятия молодого ученого. Вместе со своей верной подругой и женой Еленой Николаевной он отправился в далекую Восточную Сибирь, где в 1912 г. провел полевые этнографические исследования среди забайкальских тунгусов (эвенков, манегров, ороченов), а в 1913—1917 гг. путешествовал по Якутии, по Амуру, тунгусским стойбищам Северо-Восточного Китая, занимаясь этнографическими, археологическими и лингвистическими полевыми исследованиями. В фондах Музея антропологии и этнографии хранятся обширные материалы, привезенные в Петербург четой Широкогоровых. Под номером 2650 в МАЭ находится коллекция по хинганским ороченам из районов рек Ган, Дэрбул, Хаул, Кулдур в количестве 45 предметов быта и шаманского культа (украшения для волос из ровдуги, бус, раковины каури, тканей, браслеты, серьги, шаманские бубны и др.), переданная в музей в 1915 г., а также археологическая коллекция (МАЭ, № 4096), привезенная в 1916 г. и состоящая из 4362 предметов³.

Высокая теоретическая подготовка, подкрепленная пятилетними экспедиционными исследованиями, способствовала повышению и упрочению авторитета С.М. Широкогорова как признанного североведа-тунгусоведа. И не случайно молодой ученый, оказавшись в годы становления Дальневосточной республики во Владивостоке, был приглашен на работу в Государственный Дальне-

восточный университет, где им был создан Антропологический отдел. С 1918 г. до октября 1922 г. С.М. Широкогоров читает в ГДУ курс теоретической и практической этнологии и публикует в «Ученых записках» свои лучшие работы из написанных им на русском языке⁴.

Не удовлетворяясь при чтении курса на историко-филологическом и Восточном факультетах общепринятыми положениями, ученый понимал, что студентам очень нужны учебно-методические пособия для лучшего освоения этнографических терминов, явлений и приемов. И в 1922 г. во Владивостоке появляется его монография «Место этнографии среди других наук и классификация этносов». Монография стала еще одним свидетельством того, что Широкогоров — первоклассный отечественный этнограф⁵.

Однако дальнейшая судьба ученого не была к нему милостива. Во избежание репрессий, грозивших ему со стороны большевистских властей, он вынужден был оставить Владивосток и жить на положении эмигранта в Китае. К сожалению, он не знал китайского языка, и поэтому трудно было адаптироваться к жизни на чужбине. Следует, однако, отдать должное китайским ученым — они тепло и радушно приняли его в свою научную среду. С ноября 1922 г. и до начала 1930 г. С.М. Широкогоров ведет довольно успешную педагогическую работу в университетах Шанхая, Амоя и Кантона. В эти годы появляются его новые интересные труды по этнографии, культуре, истории и языку различных тунгусских групп. Китайские коллеги так высоко оценили достоинства этих трудов, опубликованных на английском языке, что уже в 1930 г. ученый был приглашен в Пекин на работу в университеты Фуйен и Циньхуа. В Пекине С.М. Широкогоров создает главный труд своей жизни — капитальную монографию «Психоментальный комплекс тунгусов», опубликованную в 1935 г. в Лондоне и принесшую автору мировое признание⁶.

Опираясь на обширный материал своих этнографических экспедиций к тунгусам, Широкогоров в этом труде дает ценнейшие сведения из области религиозных представлений, социальных отношений тунгусов Маньчжурии. Эти сведения составили энциклопедию духовной жизни таежного народа. Показывая своеобразную сущность шаманства, ученый особое внимание уделил эмиряченью — некоему болезненному явлению — симптомокомплексу, развивающемуся на почве истерии. Сущность эмиряченья сводится к повышенной пугливости при неожиданном окрике или толчке, что выражается в произвольном выкрике или повторении чужого движения. Люди с психическими расстройствами были основными пациентами тунгусских шаманов. Именно в этих случаях внушение шамана, что он изгнал или умилостивил злого духа, успокаивало больного, восстанавливало у него нарушенное психическое равновесие.

В связи с этим заслуживают внимания наблюдения С.М. Широкогорова среди забайкальских и амурских тунгусов. Смерть шамана вызвала среди них вспышку нервно-психических заболеваний, так как считалось, что подчиненные шаману защитники разбежались и души людей оказались беззащитными перед лицом враждебных сил. Такие эпидемии прекращались, когда один из заболевших становился шаманом⁷. Конечно, шаманы врачевали не только психические болезни.

Ученым затронут ряд важных вопросов, относящихся к орнаменту тунгусских племен Северо-Восточного Китая. В монографии «Психоментальный комплекс тунгусов», где речь идет о конных манеграх (кумарских эвенках) и хинганских тунгусах, автор отмечает, что орнаментальный комплекс, разработанный ими, очень отличается от орнамента оленных тунгусов Сибири. Види-

мо, полагает Широкогоров, вместе с одеждой он взаимствован у древних маньчжуров, на которых в свою очередь оказала влияние культура монголов, а еще раньше — китайцев. Не исключено, считает С.М. Широкогоров, что искусство маньчжуров и китайцев могло проникать к тунгусам и через дауров. В этом комплексе значительное место занимают спирали и рогообразные завитки. В то же время он сохранил ряд древних мотивов и технических приемов, характерных для тунгусов-оленьеводов. Например, сохранены применение деревянного или костяного штампа для нанесения орнамента на бересту или кожу, точечный узор, простейшие геометрические мотивы в виде углов, косых крестов, зигзагов...

С.М. Широкогоров останавливается также на некоторых вопросах, касающихся орнамента народов Нижнего Амура. Он выражает несогласие с И.А. Лопатиным в том, что нанайский орнамент с зооморфными мотивами принадлежит самим нанайцам и ими же разработан. По данным Широкогорова, зооморфные мотивы полностью заимствованы у китайцев (за исключением сюжетов змеи и ящерицы, не свойственных китайскому орнаменту). В этой же работе ученый дает подробную характеристику народного декоративного искусства эвенков. Он первым обратил внимание, что богаче всего эвенки украшают орнаментом свои костяные олени пряжки, луки деревянных седел и берестяные коробки, обтянутые ровдугой. Он впервые провел и очень важную мысль о единстве художественной культуры не только эвенков бассейна Витима и Среднего Амура, но и эвенков Северо-Восточного Китая.

С.М. Широкогоров сумел внести значительный вклад и в решение чрезвычайно сложной так называемой тунгусской проблемы, связанной с этногенезом и этнической историей тунгусо-маньчжурских народов — собственно тунгусов, а также нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, негидальцев и ороков. Следует отметить, что тунгусскую проблему он пытался рассмотреть на широком фоне обстоятельных этнографических и антропологических исследований всех тунгусских и маньчжурских племен. Он не только охватил в единой общей концепции проблемы происхождения тунгусо-маньчжуров, но и отодвинул в своих гипотезах предполагаемую прародину тунгусов далеко на юг и на восток. Она помещалась согласно его взглядам в бассейне реки Желтой. Оттуда в процессе миграций рядом последовательных волн тунгусы распространились на север и восток, а также далеко на запад Сибири от того места, где зародились еще в доисторические времена каменного века они сами и их культура. Однако эта смелая гипотеза подверглась в свое время острой критике со стороны советских исследователей Е.М. Залкинда, М.Г. Левина и А.П. Окладникова⁸.

Правда, позднее академик А.П. Окладников, выдвинув концепцию, что этнографический комплекс, характерный для прибайкальских эвенков, равно как и свойственный им антропологический тип существовали уже «... у людей глазковского времени на Ангаре, Лене и в низовьях реки Селенги около 3—4 тысяч лет тому назад»⁹, не увидел во взглядах Широкогорова ничего невероятного. Как известно, в бассейне реки Желтой с глубокой древности начиналась территория, где складывалась позднейшая китайская цивилизация. Где-то здесь между Хуанхэ и Янцзы помещался «нуклеарный район», в пределах которого формировались древние китайцы и их ближайшие родичи «синиды». И вполне вероятно, считает А.П. Окладников, что «среди иноземных соседей древних китайцев были и тунгусские племена, влияние которых на предков китайцев было весьма значительным»¹⁰.

Заметный вклад внес С.М. Широкогоров и в проблемы этнологии. Так, задолго до теоретических разработок академиком Ю.В. Бромлеем классификационных проблем этноса он сделал попытку определить место этнографии среди наук и дать классификацию этносов¹¹. Типологию этноса и определение основных принципов изменения этнических и этнографических явлений он показал в своей монографии, переведенной впоследствии на несколько европейских языков¹².

К сожалению, взгляды С.М. Широкогорова по этим вопросам довольно долго оставались незамеченными в среде советских ученых. В целом в трудах российских этнологов в вопросе об этносе до сих пор существует известный разнобой. Одни авторы, например, в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру¹³, другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание¹⁴, некоторые указывают, кроме того, на особенности психического склада¹⁵. В этом же ряду подчас отмечаются антропологические особенности¹⁶, в число этнических признаков включается и общность происхождения¹⁷, а также государственная принадлежность¹⁸. Согласно простому и четкому определению С.М. Широкогорова, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых других»¹⁹. Приведенная формулировка говорит в том, что мы очень любим «изобретать велосипед» и порою ленимся хотя бы следовать за мыслями людей неординарных, людей выдающихся. Но разве можно было в СССР следовать за мыслями какого-то «белоэмигранта Широкогорова»?

С.М. Широкогорову не суждено было увидеть снова свою родину, для которой им было сделано так много... Он безвременно, едва достигнув своего пятидесятилетия, ушел из жизни в Пекине 19 октября 1939 г. Он ушел, оставив богатое научное наследие — свыше 50 опубликованных работ (большинство — на английском языке) и почти столько же неопубликованных. Даже беглый их анализ показывает, что С.М. Широкогоров был выдающимся этнографом-тунгусоведом, крупнейшим исследователем истории и культуры практически всех тунгусоязычных народов и автором первого обстоятельного «Тунгусского словаря», опубликованного в Токио еще в 1944 г.

...Как стало недавно известно, весной 1943 г. японский ученый профессор Я. Токунага получил от вдовы русского ученого Е.Н. Широкогоровой в Пекине несколько статей ее покойного мужа для публикации этих рукописей в Японии. К несчастью, все они были утеряны осенью 1945 г. По словам японского профессора Ясумото Токунага, он хранил рукописи русского коллеги и друга в столе своего кабинета, но после того, как американские солдаты в 1945 г. внезапно ворвались к нему в дом и реквизируют эти рукописи, он потерял их из вида²⁰. С тех пор рукописное наследие выдающегося русского ученого считается исчезнувшим.

Дело чести российских этнографов найти пропавший архив замечательного нашего соотечественника и опубликовать в России все его труды, издававшиеся за рубежом на английском и других иностранных языках и до сих пор не утратившие научной ценности. Настало время подготовить книгу о жизни и деятельности этого ученого. Теперь становится совершенно ясно, что без учета трудов Сергея Михайловича Широкогорова ни одно серьезное тунгусоведное исследование не может считаться ни объективным, ни полным, ни обстоятельным.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ШИРОКОГорова

1. Работы, опубликованные на русском языке

- Отчет о командировках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Серия 2, 3. Петроград, 1914 (в соавторстве с Е.Н. Широкогоровой).
- Задачи антропологии в Сибири // Сборник МАЭ. Т.3. СПб., 1915. С.15—48.
- Василий Васильевич Радлов // Ученые записки историко-филологического факультета Государственного дальневосточного университета. Т.1. Вып.1. Владивосток, 1919. С.1—24.
- О методах разработки антропологических материалов // Там же. Т.1. Вып.2. Владивосток, 1922. С.3—23.
- Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1920. С.47—108.
- Место этнографии среди наук и классификация этносов (Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921—1922 гг. в Государственном дальневосточном университете). Владивосток, 1922. 22 с.
- Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.
- Христианская миссия и восточные цивилизации: по поводу книги д-ра Прайса // Вестник Азии. Харбин, 1926. №53. С.449—460.
- Тунгусский литературный язык // Краеведческий бюллетень: Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. №1. С.140—159. (Пер. с англ.).

2. Работы, опубликованные на иностранных языках

- Ethnological Investigations in Siberia, Mongolia and Northern China // The China Journal of Science and Arts. 1923. N1. Pp.513—52.
- Social Organization of the Manchuria. A Study of the Manchu Clan Organization. Shanghai, 1924. — 194 p.
- What is Shamanism // The China Journal of Science and Arts. 1924. N2. P.368—371.
- Study of Tungus Languages // The China Medical Journal. 1924. N38. P.400—414.
- Ethnic Unit and Millieu. Shanghai, 1924. — 36 p.
- Anthropology of Eastern China and Kwangtung Province. Shanghai, 1925. — 137 p.
- Process of Physical Growth Among the Chinese Females and Males of Checiang // The China Journal Medical. 1925. N39.-12 p.
- Northern Tungus Migrations in the Far East. 1926. — 61 p.
- Northern Tungus Terms of Orientation // Rocznik Orientalystyczny. 1928. N4. P.168—187.
- Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929. — 427 p.
- Phonetic Notes on a Lolo Dialect and Consonant // Bulletin of the National Reserach Institute of History and Philology. 1930. N2. P.183—225.
- Anthropologische und Gynakologische Beobachtungen aus Chinesischen Provinz Kwantung // Zeitschrift für Geburtshilfe und Gynakologie. 1931. N99. S.395—442.
- Ethnosa. An Outline of Theory. Peiping, 1934. — 73 p.
- Reading and Transliteration of Manchu Literature // Rocznik Orientalityczny. 1934. N10. P.122—130.
- Psychomental Complex of the Tungus. London, 1935. — 469 p.
- Versuch Einer Erforschung der Grundelagen des Schamanentums bei den Tunusen // Baesslerer Archiv. 1935. NXVIII/2. S.41—96.
- La Theorie de l'Ethnos et sa Place dans le Systeme des Sciences Anthropologiques // L'Ethnographie/ 1936. Nouvelle Serie. N32. P.85—115.
- Ethnographie und Ethnologie. Zur der Modernen Volkerkunde // Archiv für Anthropologie, n.s. 1937. NXXIV/1. S.1—7.
- Review of Lehrbuch der Volkerkunde by Konrad Preseuss // Archiv für Anthropologie, n.s. 1938. NXXVI/2. S.158—161.
- Ethnography and Missionaries' work // Collectanea Commissionis Synodalis. 1939. NXII. P.715—727.
- Ethnographic Investigation of China // Folklore Studies. 1942. N1/ P.1—8.
- A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Tokyo, 1944. — 258 p.

¹ Еще совсем недавно если и упоминали имя и труды С.М. Широкогорова, то, как правило, в негативном духе и почти никогда и нигде не цитировали.

² Большую помощь в этом деле оказали недавно опубликованные материалы японского профессора Иноуэ Коити (в переводе с английского Т.П. Роон). Из научного наследия С.М. Широкогорова // Краеведческий бюл.: Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. №1. С.134—139.

- ³ По результатам своих полевых этнографических и антропологических исследований С.М. Широкогоров опубликовал отчет. (Широкогоров С.М., Широкогорова Е.Н. Отчет о командировке к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Петроград, 1914; и большую статью. Широкогоров С.М. Задачи антропологии в Сибири // Сборник МАЭ. СПб., 1915. Т.3. С.15—49). О собранных им для МАЭ коллекциях сообщается в работе: Ключева Н.И., Михайлова Е.А. Каталог съемных украшений народов Сибири по коллекциям МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С.192—206.
- ⁴ Во Владивостоке С.М. Широкогоров опубликовал следующие работы: Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1920. 61 с.; О методах разработки антропологических материалов // Ученые записки историко-филологического факультета ГДУ. Владивосток, 1922. Т.1. Вып.2. С.3—23; Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922. 22 с.; Его жена опубликовала свою первую монографию. Широкогорова Е.Н. Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерк по данным маршрутных наблюдений. Владивосток, 1919. 47 с.
- ⁵ На основе этой небольшой монографии ученым был создан капитальный труд, опубликованный уже в эмиграции. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.
- ⁶ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. London, 1935. 469 p.
- ⁷ Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1920. С.89—99.
- ⁸ Залкинд Е.М. К этногенезу эвенков // Ученые записки Бурят-Монгольского пед. ин-та им. Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1947. Вып.1; Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Окладников А.П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири // Сов. этнография. 1950. №2. С.36—52.
- ⁹ Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. №6. С.39—42.
- ¹⁰ Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема в свете новейших археологических исследований: к постановке вопроса // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969. С.93—94.
- ¹¹ Впервые термин «этнос» для обозначения объектов этнографических исследований употребил в начале XX в. русский этнограф Н.М. Могилянский (Могилянский Н.М. Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1909. Т.3. С.102—105). Заслуга С.М. Широкогорова состоит в том, что он успешно разработал теоретические проблемы этноса, определил место этнографии среди других гуманитарных наук и дал четкую и ясную классификацию этносов.
- ¹² Его монография «Этнос» была впоследствии переведена на ряд европейских языков: английский (1934), французский (1936) и немецкий (1937).
- ¹³ Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы // Труды Ин-та этнографии. М., 1951. Т.15. С.6.
- ¹⁴ Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. №4. С.99.
- ¹⁵ Козлов В.И. О понятии этнической общности // Сов. этнография. 1967. №2. С.107—111.
- ¹⁶ Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. 1972. №3. С.75.
- ¹⁷ Шелепов Г.В. Общность происхождения — признак этнической общности // Сов. этнография. 1968. №4. С.65—73.
- ¹⁸ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей: к методологическим проблемам этнографии // Вопр. философии. 1964. №11. С.43—46.
- ¹⁹ Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С.122.
- ²⁰ Вступительная статья Иноуэ Коити к работе С.М. Широкогорова «Тунгусский литературный язык» // Краеведческий бюллетень: Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. №1. С.136.

Н. В. КОЧЕШКОВ,

доктор исторических наук, профессор

SUMMARY. The article by Doctor of Historical Sciences Professor N. Kocheshkov «A Forgotten Name» is devoted to the life and scientific activity of ethnographer — a researcher of Tungus-speaking peoples, S.M. Shirokogorov. As the author states — not a single serious Tungus-Manchus investigation can be realized without ethnographic works by Shirokogorov.